

УДК 902 (063)

ББК 63.4

Д 44

Главный редактор: Садыков Т. С.

Ответственный редактор: Хабдулина М. К.

Редакционная коллегия:

Билялова Г. Д., Сакенов С. К., Свиридов А. Н.,
Оразбаева З. Б., Тлеугабдулов Д. Т., Ярыгин С. А.

Д 44 Диалог культур Евразии в археологии Казахстана. Сборник научных статей, посвященный 90-летию со дня рождения выдающегося археолога К. А. Акишева. – Астана, 2014. Издательство «Сарыарка» – 736 с.

ISBN 978-601-277-168-8

Сборник содержит материалы международной научной конференции «Диалог культур Евразии в археологии Казахстана», посвященной 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, Заслуженного деятеля науки Казахской ССР, Лауреата Государственной премии Казахской ССР, член-корреспондента Германского Археологического института, Почетного работника образования Республики Казахстан, ученого, занесенного в Золотую книгу почета Казахской ССР – Кималья Акишевича Акишева, чьи труды вошли в золотой фонд евразийской археологии. В докладах конференции представлены научные направления, которые разрабатывал К. А. Акишев, и результаты изучения новых археологических памятников, раскрывающих многообразную палитру историко-культурных древностей евразийского пространства.

В сборник включены воспоминания коллег и учеников К. А. Акишева, биографические сведения, список научных трудов и хроника экспедиционных работ. Издание ориентировано на археологов, историков, этнологов, студентов гуманитарных направлений.

УДК 902 (063)

ББК 63.4

ISBN 978-601-277-168-8

© Авторы статей, 2014

© НИИ археологии им. К.А. Акишева
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2014

© Издательство «Сарыарка», 2014

ТАМ ЛИ МЫ ИЩЕМ ПРАТЮРКСКИЕ НАРОДЫ?

Памятники рунического письма содержат древнейшие из ныне известных тюркоязычные тексты. Этимологические исследования их лексики все еще далеки от своего завершения. Однако результаты представляют первостепенный интерес для решения поставленного вопроса, поскольку нередко противоречат представлениям, распространенным в гуманитарных науках.

Так, этимология основной лексики военного дела оказалась связана не с изначальной, казалось бы, тюркской конницей и ее знаменитым лучшим боем, а с пехотой, вооруженной копьями. Термины, связанные с поселениями и архитектурой указывают, что в неведомой древности тюркоязычным строителям приходилось иметь дело с глиной, точнее говоря, со стационарными глинобитными сооружениями.

1. Пехота древних тюрков

Одним из основных терминов, собирающих вокруг себя различные лексические выражения войны и военного дела, является краткое слово *sü*. В раннем средневековье оно было общетюркским, поскольку обозначало войско во всех надписях II Восточнотюркского и Уйгурского каганатов VIII в¹. (КТБ, стк. 2: *sü sülärän tört buluñdaqı bodunıy qor almıs* «выступив с войском, они покорили все народы, жившие по четырем углам (света)»; стк. 12: *qanıñ qaıan süsi böri teg ermis* «войско моего отца кагана было подобно волкам»; другие примеры – стк. 28, 32, 34, 37, 39, 45, 46, 47, 48 (дважды); БК, 25 (дважды), 26 (дважды), 27, 30 (дважды), 31 (дважды), 32 (пять раз), 34, 39, Ха 1 (трижды), 8 (дважды), X II; Тон, 14, 18, 25, 28, 29, 30, 31 (дважды), 32, 33 (дважды), 35 (дважды), 36, 43; КЧ, 10 (дважды), 20, 22; Оа, 1; МЧ, 6, 7, 17, 23, 26, 31, 33, 49; Терх, 5 (строка дефектна) и ХТ, II, III (обе строки дефектны), V) (Малов, 1951, с. 423; 1959, с. 102; Tekin, 1968. pp. 370, 371; Кляшторный, 1980, с. 89, 90, 92). Известно оно и в енисейских древнехакасских надписях IX-X вв. – Е 10,8, Е 26,8 и Е 43,3 (Малов, 1952, с. 25, 26, 49, 79; Кормушин, 2008, с. 17-19, 100-102, 132, 133, 326), – и в орхонской рунической книге *İrq bitig* первой трети X в. В X-XI вв. слово *sü* встречается также в рукописях уйгурского и арабского письма (ДТС, с. 516; Clauson, 1972, P. 781).

На глубокую архаичность слова *sü* указывает его более узкое значение «военный отряд», сохранившееся в надписи БК (стк. 32: *ilki sü taşıqmış erti* «передовой отряд выступил (в поход)» (ДТС, с. 516) (ср. перевод С. Е. Маловым МЧ, 26: *ök bodunıy bünim sürä kelti* «народ чиков был пригнан моим тысячным отрядом» (1959, с. 36, 41). Очевидно, что этот смысл первичен по отношению к обобщающему понятию «войско», а, значит, само слово возникло еще

в эпоху, не знавшую не только регулярной, но и многочисленной армии, и первоначально именовало любую группу воинов (ср. один из переводов этого слова, даваемый в словаре Махмуда Кашгарского 1072-1074 гг.: al-'askar «воины») (Clauson, 1972, pp. 781).

Об исконности слова говорит и значение известных устойчивых сочетаний *sü* с глаголами, выражающими самые общие понятия: *sü jorï-* «отправляться в поход» (Тон, 29: *sü jorïlim timis* «отправимся в поход, говорит он», то же – стк. 35; стк. 29: *jorïmasar* «если мы не пойдем в поход»; БК, X II: *sü jorïp tünli künli jiti ödüşkä* «идя с войском день и ночь в течение семи суток»; Тон, 25, 35: *sü jorïtdim* «я приказал двинуться войску»; МЧ, 6: *sü jorïdi* «пошел с войсками», 17: *sü jorïjin* «я пойду войной», 23: *sü jorïdim* «я отправился в поход»), а также *sü aq-* «двигаться войском», *sü bük-* «собрать войско», *sü başla-* «возглавить войско» (последние отмечены словарем Махмуда Кашгарского) (ДТС, с. 516). С этим словом связано и понятие «военачальник» – *sü başi* (Тон, 31; *sü başi inäl qayan tarduš šad barzun* «военачальником пусть будет шад тардушей – Инель-каган»; МЧ, 49: *sü başi ben* «я – военачальник») (Tekin, 1968, P. 370; Clauson, 1972, P. 781) – один из немногочисленных известных титулов собственно тюркского происхождения (Шервашидзе, 1990, с. 83)². Согласно прочтению С. Е. Малова, в Е 10,8 сочетание *sü* с глаголом *bol-* (точнее с деепричастием *bolup*) означает «во время войны» (Малов, 1952, с. 26).

Весьма общий смысл передают и слова, образованные от *sü*: глагольные формы *sülä-*, *sülät-* и прилагательное *sülüg*. *Sülä-* означает «воевать, ходить войною, отправляться в поход» (КТМ, 3: *šantun jaziqa tegi sülädim... toquz ersänkä tegi sülädim* «я ходил войною вплоть до Шантунгской равнины... я ходил войною вплоть до (народа) девяти эрсенов», то же – стк. 3-4, 4 (дважды); БК, 24, 25 (дважды), 26 (дважды), 28, 32, 38, 39, 41, Ха 2 (дважды); иные грамматические формы: КТБ, 2, 8 (дважды), 12, 15, 17 (дважды), 18, 31, 35, 39; БК, 40; Тон, 20 (дважды), 21, 23, 44; О, 7; ХТ, X, 3, 4). Смысл *sülät-* – «вести в поход» (Тон, 18, 43: *sülätdim* «я повел в поход войско», 53: *qayanımın sülätdimiz* «с моим каганом мы водили войска в походы» (Малов, 1951, с. 423; 1959. С. 102; ДТС. С. 517; Tekin, 1968, P. 371, 372; Clauson, 1972, P. 825). Обе глагольные формы встречены и в самой ранней надписи уйгурского письма – эпитафии из Уланкома (Щербак, 1961, с. 24, 25; 2001, с. 125, 126). Слово *sülüg* «военный, обладающий войском» до сих пор, насколько известно, не встречалось в рунике, но применено в одновременном сочинении Altun jariq X в., выполненном уйгурским письмом (ДТС, с. 517).

Полагаю, приведенных материалов достаточно для заключения о том, что слово *sü* является очень древним и входило в ряд основной общетюркской лексики, связанной с военным делом (в этом качестве находим *sü* и в перечне древнейшей лексики, составленном А. М. Щербаком – 1994, с. 112). Теперь предстоит уяснить, какого рода войско оно обозначало. Уже сам факт пере-

дачи при его помощи наиболее общих понятий исключает какое-либо специальное значение этого слова. Никакие оттенки его смысла не указывают на то, что древнейшие боевые отряды тюрков были конницей. Скорее напротив, в приведенной лексической группе есть явные свидетельства того, что первоначальное древнетюркское войско-sü было пехотой. Такова суть уже упоминавшегося словосочетания sü jorġ- «отправляться в поход», поскольку jorġ- буквально означает не просто «передвигаться», а «идти, ходить» (ДТС, с. 274) и с этим значением (в более древней форме dor- / dör-) реконструируется как общетюркская основа (Щербак, 1994, с. 114).³

Не имеем ли мы здесь особенности исторического периода, еще не знавшего одомашненной лошади?

У многих народов, в том числе и несомненно оседлых, конное войско обозначается каким-либо специальным термином – именем существительным. Для примера укажем на исконное русское слово «конница» или заимствованное «кавалерия». В памятниках рунического письма ничего подобного обнаружить не удастся. В единственном случае, когда автору эпитафии потребовалось подчеркнуть, что речь идет не просто о войске, а о коннице (БК, Ха I), это понятие передано описательно, словосочетанием atlıy sü (Малов, 1959, с. 90; ДТС, с. 68) – буквально «войско, имеющее лошадей, конное войско» (слово atlıy, образованное от at «конь» при помощи аффикса обладания -lıy и означающее «имеющий коня», в рунических памятниках несет смысл «конный, на коне, всадник» (Тон, 4, 24 – Малов, 1951, с. 361; ДТС, с. 67, 68).⁴ Дела не меняет то обстоятельство, что в этом же отрывке, когда далее речь идет о пехоте, автор применяет сочетание jadaı sü «пешее войско», так как именно это последнее выражение, отвечая особенностям принятого в художественной тюркской речи приема параллелизма, по построению уподоблено предыдущему, а не наоборот. Вот полный контекст: tabıač atlıy süsi bir tımän artuqı jeti biğ süg ilki kün ölürtim jadaı süsin ekinti kün qor (ölürtim) «конницу табгачей, отряд из семнадцати тысяч человек, я поразил в первый день, пехоту я на второй день (тоже) много поразил» (Малов, 1959, с. 15, 18, 22).

В рунических памятниках (а также текстах иного тюркского письма домонгольского времени) существует и другая лексическая группа, принадлежащая к основному военному словарю. Облик составляющих ее слов указывает на их происхождение от одной глагольной формы, настолько древней, что уже самые ранние известные нам памятники тюркской речи не застают ее самостоятельного употребления. Эта основа восстанавливается как *suġ- (Clauson, 1972, pp. 834).⁵ Происходящее от нее слово süñüş означает «сражение, война» (КТ, 15: jegirmi süñüş süñüşmis «он дал двадцать сражений», подобное – стк. 40; БК, 34; КЧ, 11, 16, 17; КТ, 42: (kül) tegin ol süñüşdä otuz jašajır erti «в этом сражении (Кюль)-тегин был тридцати лет», та же форма – МЧ, 16; КЧ, 9; süñüş bolsar čerig itär erti «когда было сражение, он направлял войско», 20:

ebinjä sünjüş kigürti «он до своего дома довел войну» (Малов, 1959, с. 28, 29); МЧ, 9: ikinti sünjüş... t(oqïdïm) «второе сражение я дал»). Sünjüş «сражение» причисляется к древней общетюркской лексике (Щербак, 1994, с. 112).

Другим производным является глагол sünjüş- «сражаться» (КТ, 41: qušu tutuq birlä sünjüşmis «он сразился с Кушу-тутуком», 18: üč jegirmi sünjüşdimiz «мы сразились тринадцать раз», подобное – стк. 32, 35, 37, 41, 43, 44 (дважды), 45, 46 (дважды), 47; БК, 28; Тон, 16, 28, 40, 41; БК, 25: ÿduq bašda sünjüşdim «при Ыдук-баше я сразился», то же – стк. 26 (дважды), 27, 28, 29, 30 (четырежды), 31, 34, 37; МЧ, 13, 15, 16, 18, 29; Терх, 25, 27; другие грамматические формы – БК, 32; Тон, 16, 49 (трижды); КЧ, 10, 12, 15, 18; примеры сочетания с существительным sünjüş показаны выше (Малов, 1951, с. 423; 1959, с. 102; ДТС, с. 517; Tekin, 1968, pp. 372, 373; Clauson, 1972, pp. 842; Кононов, 1980, с. 88, 92).

Особого нашего внимания заслуживает тот факт, что вместе со словами «битва» и «сражаться» от той же основы происходит название только одного вида оружия. Несомненно, что именно это оружие в древнетюркском обществе некогда было основным боевым средством – поэтому оно прямо соотносилось в сознании людей с самим военным делом. В рунических надписях это оружие названо sünjüg (КТ, 35; БК, 26; Тон, 28), а в более поздних памятниках уйгурского и арабского письма – sünjü (ДТС, с. 517; Clauson, 1972, pp. 834, 835, 838), именно последнюю форму А. М. Щербак считает общетюркской (1994, с. 112). Это не лук, не стрела, не сабля и не аркан, которые мы готовы увидеть внутренним взором, когда речь заходит о войне-кочевнике. Этим словом обозначалось копье.⁶ Глубинная смысловая связь слов «копье» и «войско» предстанет еще ярче, если мы примем предположение А. Н. Кононова о том, что производящей основой для sünjüg явилась форма *sünj, в свою очередь происходящая от sū (Кононов, 1980, с. 88). Хотя это мнение не кажется достаточно аргументированным.

Итак, при историческом взгляде на две основные лексические группы, связанные с военным делом, древнетюркское войско (sū) предстает перед нами отрядом копейщиков (sünjüglüg). Это впечатление усилится, если учтем, что для слова sünjüş «сражение, война» у Махмуда Кашгарского отмечено и значение «драка на копьях».⁷ (ДТС, с. 517) или «пронзание копьем» (Clauson, 1972, P. 842: al-tirād wa'l-mutā'ana wa'l-harb «battle, spearing one another, war»), а для совпадающего по звучанию глагола sünjüş- — «пронзать копьем» (Clauson, 1972, pp. 842: spear one another). Ясно, что здесь сохранился древний и изначальный смысл слов. Если для наглядности сравнить нашу лексику с соответствующей древнерусской, то по аналогии со словом сеча «бой, сражение», этимология которого указывает на рубящий удар как на основу древнего славянского боя (основным оружием, вероятно, являлся топор, поскольку меч был отличием воина-аристократа), для перевода древнетюркского поня-

тия «сражение» пришлось бы сконструировать слово колота или колотье, ибо совершенно очевидно, что главным средством боя у древнейших тюрков был удар колющий.

Своеобразие выявленной картины древне- или пратюркского боя еще очевиднее, обратись мы, ради сравнения, к этимологии славянских слов «бой», «боец», «битва». Вполне очевидно, что изначально в этой культурной среде господствовало ударное, а не колющее оружие (вплоть до XVIII в. «убить» в русских документах не означало «прервать жизнь», при нужде поясняли «убили до смерти», а то и «побили до смерти», еще недавно, сохраняя древний смысл глагола, старушки говорили о стукнувшемся или упавшем «убился», в русской речи армия поныне «наносит удары», «бьет врага»; показателен и вечен призыв «бей!», восходящий к рукопашному, но вполне применяемый и к современному дистанционному бою). Возможно, такая черта была некогда присуща всей индоевропейской общности, поскольку именно ее встречаем в древнейших частях «Авесты». См., например, устойчивую формулу молений, обращаемых героями к божествам, в которой меняются только имена стран-противниц: «Так, чтобы я уничтожил // страны туириа // пятьюдесятью ударами и сотнями ударов, // сотнями ударов и тысячами ударов, // тысячами и десятью тысячами ударов, // десятью тысячами // и бесчисленным числом ударов»; «Так, чтобы мы уничтожили // страны аириа // пятьюдесятью ударами...» (Амбарцумян, 2002, с. 44, 47, 50).

Наглядность рисуемой картины возрастет при еще одном сравнении с чужеродным – с этимологией камчадальской лексики (палеоазиатская семья языков), в которой понятие драка соотносится с луком и буквально означает «ссора с луками». Однако общее понятие «воин» выглядит здесь архаичнее, поскольку восходит к основе «бить, ударять» (Мудрак, 2008, с. 128, 206), т.е. связано с рукопашным боем.

Из этих данных со всей очевидностью следует, что слово sï изначально обозначало только пешее войско и древнетюркская армия представляла собою отряды копьеносцев-пехотинцев.

По-видимому, необходимо дополнить приведенные лексические материалы глаголом sanč-, постоянно отмечаемым в рунических памятниках в значении «побеждать, поражать, громить»: sūsīn sančdīmiz «их войско мы разгромили» (КТ, 46), sūsīn sančdīm «их войско я разбил» (БК, 26, 30, 37; КЧ, 22), sūsīn sančdī «его войско он разбил» (МЧ, 31), sūsīn anta sančdīm «их войско я там разбил» (БК, 31), anta sančdīm «тогда я победил» (МЧ, 13, 14, 16 (дважды), 18, 29, 33, 45; Терх, 25, 27) sūnjūšdimiz sančdīmiz «мы сразились и победили» (Тон, 28), sūnjūšdim sančdīm «я сразился и победил» (МЧ, 15; Терх, 25, 27), sančīr olūirip «победил и убил» (КЧ, 5) (см. еще sančdīm «я победил» в дефектных строках МЧ, 12, 29, 32, 36 и sančduq в МЧ, 46).

Прямой смысл этого глагола – «колоть, вонзать, втыкать». С этим значением он реконструируется и для древнейшего пласта общетюркской лексики (Щербак, 1994, с. 114), и известен самим руническим текстам (Малов, 1951, с. 419; 1959, с. 102). В последних он, как можно думать, всюду применен для описания действий кавалерийской пикой (перевод его С. Е. Маловым и А.Н. Кононовым «прокалывать копьём», «пронзать копьём») (Малов, 1951, с. 419; Кононов, 1980, с. 85). Так, Кюль-тегин в двух сражениях одинаково «двух мужей заколол (копьём) одного за другим» (КТ, стк. 36 и 42; *eki erig udišru sančdī*), в третьем «шесть мужей он заколол» (стк. 45: *altī erig sančdī*) и в дальнейшем «заколол одного мужа» (стк. 45: *bir erig sančdī*), «произвел атаку и переколол (несколько врагов)» (стк. 46: *tegdi sančdī*), «двух мужей он заколол» (стк. 48: *eki erig sančdī*), «заколол девять мужей» (стк. 49: *toquz erig sančdī*). И всякий раз перед этим сказано, что он сражался конным, приведены клички его скакунов. То же находим и в памятнике Кули-чуря: «на собственную (лошадь) севши, он бросился в атаку, пронзил трех мужей» (стк. 15: *özlūki binir orlaju tegir üč erig sančdī*; еще один случай употребления глагола встречаем в дефектной строке 10).

Казалось бы, приведенные примеры VIII в. позволяют думать, что глагол *sanč-* «колоть» получил переносное значение «побеждать» в результате успешных действий ударных отрядов закованных в броню рыцарей-копейщиков, столь свойственных тюркской армии раннего средневековья. Однако, такое суждение не согласуется с обстоятельствами двоякого рода. Во-первых, в эпоху рунического письма тяжелооруженные конные копейщики не составляли в тюркоязычных армиях большинства и, следовательно, их действия вряд ли могли привести к формированию лексики общего значения (основные силы войска – конные лучники или мечники – ведь не могли «переколоть», т.е. победить, противника). Во-вторых, известные случаи использования глагола в ранних памятниках уйгурского и арабского письма, не связанные с пикой (само слово, обозначающее это оружие, *sančqaq*, образовано от данной глагольной основы), позволяют полагать, что его переносное значение сформировалось задолго до времени появления рассматриваемых древнетюркских текстов. Устойчивые парные словосочетания, имеющие значение «убивать» (*sanč- bič-* буквально «колоть и резать», *sanč- ur-* буквально «колоть и бить» (ДТС, с. 483, 484)), показывают, что некогда в глазах древних тюрков победа достигалась применением пехотного оружия.

Если не выпускать из внимания показанную связь основы *sanč-* с порожденной развитием копья кавалерийской пикой и результатом ее применения, то наиболее правдоподобно вновь предположить отраженную в глаголе первоначальную главенствующую роль копья («колоть») в пехотных порядках древних тюрков. Вторым компонентом, судя по привлекаемой лексике, были кинжалы или короткие мечи («колоть и резать»). К сожалению, изначальный

собственно тюркский термин для меча остается неизвестным, поскольку, как полагают, был рано заменен привнесенным из индоевропейских языков словом *qīlīč* (Щербак, 1994, с. 163); от основы *bič-* образовано слово «нож» (*bičāk*). Третьим видом древнейшего оружия, по-видимому, выступает булава, дубина («колоть и бить»), *ug-* – основной глагол, ср. его производные: *ugū* «орудие, которым бьют», *ugū / ugū* «удар», *ugiš* «драка, сражение», *ugiš-* «сражаться»: (ДТС, с. 614-616). Представление о пехотном вооружении, отраженном в лексике древних тюрков, может быть и еще подробнее (см., например, у Махмуда Кашгарского *salīju / salju* «праща»,⁸ образованное от глагола *sal-* в значении «бросать, кидать, отбрасывать», но приобретшим смысл «бить, ударять»: ДТС, с. 482, 483). Однако источником нашей работы служит лишь словарь памятников рунического письма, связанный с древнейшим состоянием тюркской армии.

Сегодня у нас нет данных, чтобы сказать, к какому времени относится та эпоха, когда древнетюркские воины были подобны древнегреческим дорифорам. До некоторой степени можно опираться на косвенные свидетельства. Так, наиболее ранние археологические культуры, среди носителей которых определено было и тюркоязычное население, – таштыкская (I в. до н. э. – V в. н. э.) и шурмакская (II в. до н. э. – V в. н. э.) в Южной Сибири – не представляют никаких прямых свидетельств выявленного по языковым данным состояния древнетюркской армии. Весомым аргументом в пользу изложенного, очевидно, служит факт преобладания среди многочисленных таштыкских изображений пехотинцев. По большей же части все это лучники. Они нередко имеют и специальное вооружение в виде щитов в полный рост, тяжелого доспеха, длинных мечей (Грязнов, 1979, рис. 59-61; Кызласов, 1990). Но среди них есть только одна фигура воина с копьем, и та держит в другой руке лук (Грязнов, 1979, рис. 59, 1, фиг. 8).

Можно предполагать, что свидетельства языка в нашем случае позволяют проникнуть в историю тюркских народов значительно глубже, чем имеющиеся письменные и археологические источники и раскрывают эпоху никак не позднее раннего железного века, а, скорее, гораздо более глубокой первобытности. Показанную этимологию слова *sūñüg* «копье» (как и первоначальный прямой смысл глагола *sañ-* «победить»), проясняющую его определяющую роль в вооружении древнейшей поры, следует сопоставить с фактом отнесения филологами к пласту общетюркской лексики и слов *oq* «стрела», *keš* «колчан», да «лук» (Щербак, 1994, с. 112), ни одно из которых не связано в своем происхождении с главными лексическими основами, характеризующими военное дело. Достаточно знать общую периодизацию истории вооружения, чтобы почувствовать, что общетюркский лексический материал, выделяемый сегодня языковедами, не однороден в хронологическом отношении.

Пожалуй, рассмотренная выше группа слов восходит к древнейшему этапу пратюркской истории.⁹

Приведу еще один довод в пользу подлинной первобытности рассматриваемой тюркской лексики. Сопоставление основных пяти терминов оружия привело И. В. Рассадина к выводу: «... только названия лука и стрелы самобытны в каждом из алтайских языков (т.е. тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских), названия же древнейших видов оружия: копья, ножа, топора общи лишь между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Тюркские термины стоят особняком» (Рассадин, 2010, с. 26). Тем самым, они принадлежат эпохе, предшествовавшей контактам тюркоязычных народов с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими. Такие времена существовали до прихода тюркских народов в Восточную Азию из неведомых нам пока районов былой прародины.

Теперь от разбора слов и словосочетаний перейдем к разбору некоторых выражений, принятых в памятниках рунической письменности. В двух орхонских эпитафиях крайнее напряжение готовой уступить врагу армии передано одной и той же фразой: *türk bodun adaq qamaštđ jablaq boltačđ erti* «тюркское войско довело до изнеможения (свои) ноги, так что (дело) могло быть скверным» (БК, 30, 31; КТ, 46, 47). При переводах этого устойчивого выражения тюркологи связывают его смысл с предшествующими бою переходами, совершенными тюркской армией (Малов, 1951, с. 42; 1959, с. 21; ДТС, с. 414; *qamašt-*). Если принять это допущение, то следует признать существование древнетюркской пехоты не только в глубокой древности, но еще и в 30-е годы VIII в., когда были созданы оба письменных памятника. Этот вывод также может быть доказан.

Строки рунических памятников прямо свидетельствуют о том, что еще в последней четверти VII – середине VIII в., во времена II Восточнотюркского и Уйгурского каганатов, действительно, существовали пехотные полки, набранные из собственно тюрков. Так, в эпитафии Тоньюкука сказано, что войска Кутлуг-шада (будущего Эльтерес-кагана) в 681-682 гг. составляли 700 человек и «две части из них были всадниками, а одна часть из них была пехотой» (стк. 4: *eki ülügi atlıy erti, bir ülügi aday erti*). При описании более поздних событий (724 г.?) в эпитафии Бильге-кагана мы вновь встречаем подобные сведения (стк. 32): *üč oğuz süsi basa kelti jadaγ(i) jabız boltı tip alıalı kelti* «войско уч-огузов пришло, чтобы нас поразить, думая, что мы пешие слабы в бою». Для рассматриваемой темы особенно важно то обстоятельство, что армия одного тюркоязычного народа (уч-огузов) построила план своего похода против другого тюркоязычного народа (тюрков) в расчете на встречу с пехотой. Нет сомнений, что огузы прекрасно знали особенности военных сил неприятеля. И, наконец, в эпитафии Моюн-чура (758 г.) о врагах древних уйгуров сказано (стк. 33): *bis jüz kedimlig jadaγ bir eki šašip kelti* «пятьсот пе-

хотинцев в полном вооружении раза два перепугались». Хотя текст ущербен, речь в нем, по-видимому, идет о тюркоязычном противнике, так как перед этим говорится об огузах и татарах, о князьях-бегах, а ниже о том, что «тогда народ покорился мне».

Эти указания рунических текстов на пешее войско обычно объяснялись историками то общим упадком общества и бедностью некоторых его членов (Кляшторный, 1964, с. 27; ср. с. 32: речь уже просто идет о 700 всадниках), то нехваткой лошадей из-за бескормицы (Кляшторный, 1964, с. 41; хотя Бильгекаган сам начал поход) или войны на два фронта (Гумилев, 1967, с. 314; ср. об отсутствии пехоты: с. 68, 276, 277). Между тем лучше заменить соображения современных исследователей прямым указанием еще одного источника. Так, в «Тан-шу» описывается поход в 641 г. предводителя сеяньто (части тюркоязычных теле) Инаня, при котором было «каждому солдату велено иметь четыре лошади». Несмотря на это, при встрече с армией тюрков полководцы, «спешив конников, поставили по пяти человек, из которых пятый держал четырех лошадей, а четверо впереди дрались». Летопись приводит и причину выбранной тактики: «Прежде сего сйеяньтосцы в войне с Шаболо и Ашиною Шежы (предводителями тюрков. – И.К.) одерживали победы пехотою», поэтому и на этот раз они прибегли ко всегда оправдывавшему себя традиционному виду боя. В результате «при открытии сражения тукюеское войско было потеснено» (Бичурин, 1950, с. 340, 341).

Приведенные данные о древнетюркской пехоте VII-VIII в. позволяют внимательнее отнестись к описанию первого для 16-летнего Кюль-тегина боя, во время которого он «в пешем строю бросился в атаку» (стк. 32: *kül tigin jadayın orlaju tegdi*). Вполне вероятно, что этот военачальник в начале своей карьеры мог возглавлять пешие порядки тюркской армии. Случайно ли и в следующем описанном в эпитафии сражении – стк. 32, 33 – он трижды (в том числе «в самом начале») устремляется в схватку не на своей собственной лошади, а на скакунах, принадлежавших другим витязям? В тех случаях, когда позднее он ведет бой на собственной лошади, это всякий раз оговаривается – стк. 35, 40, 42, 43, 45, 46, 49 – как, впрочем, и то, что он теряет в сражениях своего коня: стк. 36, 37, 43, 44. Здесь уместно привести назидание Юсуфа Баласагунского, адресованное предводителю пехоты: *jaday oqçı tüşüp sen öñdin jügür* «поставив пеших стрелков, сам беги впереди» (*Qutadqu bilig*, 1069-1070 гг.) (ДТС, с. 222: *jaday*).

Как бы то ни было, но факт остается фактом: даже тюркские аристократы VIII в., основное свое предназначение видевшие в военном деле, не всегда предстают перед нами в памятниках рунического письма в виде всадников.

2. Строительная техника древних тюрков

Термины азиатских рунических памятников, связанные с поселениями и архитектурой, хотя и немногочисленны, явно указывают, что в неведомой

древности тюркоязычным строителям приходилось иметь дело с глиной, точнее говоря, со стационарными глинобитными сооружениями.

Этимологически лексика рунических текстов попадает в общий ряд со специальными терминами исконно оседлых, как принято думать, обществ: такими как шумерское *si* «закладывать (сооружение)» (изначально «насыпать», что восходит к строительству на платформах в низинах Двуречья) (Дьяконов, 1959, с. 121, прим. 4) или славянское «зодчество» (от *зд*, *зда* «глина»). Так и *balıq*, в орхонских рунических надписях VIII в. означающее «город» (КТБ, 44; Тон, 18, 19; производное *balıqdaqı* «горожанин» – КТ, 12), признается образованием от *bal* «вязкая глина» (*balıq* в смысле «глина» встречается еще у Махмуда Кашгарского в XI в.).¹⁰ В енисейской эпитафии конца X в. Хемчик-Чиргакы (Е 41, 2) слово «город, резиденция, лагерь», надо думать, намеренно употреблено в двух разных диалектных формах¹¹ (может быть, как литературный и разговорный синонимы): *toı* (Малов, 1952, с. 73, 74) и *toj*. Важно, что обе они производны от слова «глина» (*toj* / *toı*) (ДТС, с. 80, 572; Левицкая, 1997а, с. 485; 1997б, с. 374, 375).

О том, что в неведомой древности тюркоязычным строителям приходилось иметь дело с глиной (или, по меньшей мере, со стационарными сооружениями), свидетельствует, пожалуй, и глагол *toqı-*. В сутре *Sekiz jükmäk* (наделенной колофоном рунического письма) он применен со значением «устанавливать, воздвигать (стену)» при первоначальном смысле «бить, ударять» (ДТС, с. 576; ср. с. 577: *toqu-* «стучать, ударять, бить»; *toqış*, *toquş* «битва, сражение», *toqış-* «сражаться»; с. 578: *toquş-* «сражаться»), т.е. исконно, по-видимому, увязывается с глинобитным строительством. Являются ли омонимами глаголы *jar-* «строить, делать, творить» (встречаемый в рунической книге *Irq bitig*) и *jar-* «прикладывать, приклеивать» (ДТС, с. 235) или у них общая этимологическая основа «лепить (глину)»?

Так или иначе, в целом представляется наиболее вероятным, что приведенная древняя строительная лексика могла сложиться лишь в условиях открытых, безлесных ландшафтов и была связана с наземным домостроительством.¹²

Возникающей картине соответствует характерная часть упомянутой выше древней военной лексики. Таково точное замечание Дж. Клосона о том, что в ранних тюркских текстах «армейская масса постоянно уподобляется воде» (Clouston, 1972, pp. 77, 324, *bög-*). Имеются в виду встречающиеся в труде Махмуда Кашгарского словосочетания *sü bük-* «собрать войско» и *sü aq-* «двигаться войском», изначально отражавшие образы оазисной ирригационной культуры. Точное содержание глагола *bük-* «запруживать, перекрывать», а буквальный смысл основы *aq-* «течь, истекать» (ДТС, с. 48, 117, 132).

Изложенное позволяет археологу усомниться в том, что слово *qıgıan* (которым вслед живой речи наука именует остатки монументальных земляных и каменных надгробных сооружений) восходит к глагольной основе *qoqıa-*

«защищать» (Левицкая, 1997а, с. 487) или qoǵı- «оберегать, охранять» (Муцаев, 1997, с. 569). История культуры побуждает соотносить его с глаголом qıǵ- «строить, сооружать». Возможно, слово qoǵıǵan «крепость, укрытие» не составляет фонетической пары ко вполне самостоятельному существительному qıǵıǵan, имевшему общее значение «сооруженное; постройка». Обозначая регулярное архитектурное сооружение, слово qıǵıǵan в этом случае, думается, хорошо семантически соотносимо и с производным значением глагола qıǵ- «приводить в порядок» (ДТС, с. 467). (Ср. семантику глаголов et- «совершать, создавать, строить» и «устраивать, приводить в порядок»). Именно во втором значении глагол встречается в КТб, стк. 39). Исходя из сказанного, в топониме Мауї qıǵıǵan, упомянутом в надписях КТ (стк. 48) и БК (стк. 31), не обязательно видеть наименование крепости (Мелиоранский, 1899, с. 131, 132; Малов, 1951, с. 42).

В понимании пратюркской культуры современной наукой, по-видимому, большое значение будет иметь этимологический анализ не только именной, но и глагольной лексики. При этом не следует заранее ограничивать исследование, исходя лишь из, якобы, изначальной кочевой культуры тюркоязычного мира. В отличие от индоевропейских культур, сохранивших память о передвижных жилищах не только в арийских преданиях или скифских древностях, но даже и в формулах средневекового германского права (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 730), в выявляемых пратюркских пережитках изначально проступает *стационарное домостроительство*.

Обе рассмотренные здесь лексические группы, связанные с военным и строительным делом, принципиально сопоставимы в отношении отраженной ими культуры, сложившейся и существовавшей не в кочевой степи, а при оседлом образе жизни. К какому времени принадлежит это сохраненное языком состояние указать пока невозможно, однако, именно оно, по-видимому, и отражает пратюркскую эпоху. Науке предстоит найти корни такой культуры.

Доверимся не внешним летописным указаниям и извлекаемым из них нашими историками разрозненным культурным признакам средневековья, а внутренним, согласующимся друг с другом свидетельствам, не столь явно, но сохраненных в рунических надписях, созданных самими предками. Ощутим этапы пройденного ими в веках спирально восходящего развития: от первичной оседлости к последующему кочеванию, от кочевания вновь к оседлости. Говоря языком археологии, первые два этапа культурной истории тюркоязычных народов, при современных возможностях заглянуть в древность, вероятно, следует отнести к бронзовому и раннему железному векам.

Так где же искать древние тюркские народы? Для каждой из стадий культурного развития ответ будет свой.

Примечания

¹Сокращенные обозначения письменных памятников: КТ – Кюль-тегина, Тон – Тоньюкука (по изданию: Малов, 1951); БК – Бильге-кагана (Могиляна), КЧ – Кули-чура, О – Онгинского, МЧ – Моюн-чура, ХТ – Хойто-Тамира (по изданию: Малов, 1959); Терх – Терхинской (по изданию: Кляшторный, 1980); Е – енисейских (с порядковым номером). Цифра указывает строку текста. Стк. – строка.

²Позднее это слово встречаем и в составе личного имени – предводителя одного из карханидских отрядов, вторгшихся в Хорасан в 1006 г., звали Сюбаши-тегином (Караев, 1983, с. 125, 126; ср. однако, чтение Бартольда: Себук-тегин – 1963. с. 334, 335). Бытовало и старое наименование военачальников – су башлар у Юсуфа Баласагунского (Караев, 1983, с. 248).

³Надо ли говорить, что это понятие и выражающий его глагол яснейшим образом проявляет изначальную культурную ситуацию в традиционной речи сугубо оседлых народов. Так древнейшее состояние пешего славянского войска находим в русском «идти в поход», «идти в бой», «идти на врага», и даже, как следствие, «ходить в море», «ходить на судах» и т.п.

⁴Такое словоупотребление сохраняется и в современных тюркских языках – ср. хакасское аттыҕ «всадник, верховой, конный», с показательным аттыҕ кильге, аттыҕ парарга «приезжать на лошади» (ХРС, с. 86, 162, 346) (букв. «приходить конным, приходит имеющим коня») и алтайское атту (шорское аттыҕ), атту кельди (Вербицкий, 2005, с. 33). В старой турецкой армии существовал чин *atbaşı* (тур. *atbaşı*) «начальник иррегулярных конных отрядов» – букв. «начальник над лошадьми», а не над конницей (Челеби, 2011, с. 61, 103).

⁵Согласно другой гипотезе, слова *süñüg* и *süñüš* – возводятся к реконструируемой основе **suñu-* «вонзать, пронзать» (Tekin, 1968, pp. 111, 116). К. М. Мусаев считает, что слово *süñüg* «копье», «пика», любое колющее оружие» «образовано от глагола *siñ- ~ süñ-* «проникать», «проходить», «пронзать». Ср. *söñük* «кость» (1997, с. 569).

⁶Типологически сопоставимая картина в мире исконной оседлости рисуется, например, китайской мифологией. В незапамятной древности Чи-ю впервые сделал оружие, чтобы вредить Поднебесной. Им были копья и щиты. Противник Чи-ю, легендарный император Хуанди (Сюань-юань), олицетворявший силы земли и упорядочивший обитаемое пространство, также «стал упражняться в применении щита и копья» (Таскин, 2012, с. 329, 336, 337; Сыма Цянь, 1972, с. 133, 224; Рифтин, 1982, с. 605).

⁷Ср. русское выражение «ломать копья», и поныне определяющее вполне академичную научную дискуссию.

⁸Удивительно, но слово для «пращи» донныне уцелело в некоторых саяно-алтайских языках. См. в хакасском: салбы «лыко для пращи», салбы тастирга «метать камни пращой», диалектное сагайское салба «лыко для пращи», салба сойарга «драть лыко» (ХРС, 2006, с. 436). Замечу, что перевод точен, поскольку ареал двух реликтовых видов липы – сибирской (*Tilia sibirica*) и Нащокина (*Tilia nasczokinii*) включал хакасские земли.

⁹Нельзя не обратить внимания на то, что для отмеченных словарем Махмуда Кашгарского словосочетаний, связанных с военным делом тюрков, характерна особая образность. Она, без сомнения, указывает на главные черты общественного быта, в котором формировалась. В выражении *sü aq-*, означающем «отправляться в поход», буквальный смысл глагольной основы *aq-* «течь, истекать», а в *sü bük-* «собрать войско» точное содержание глагола *bük-* «запруживать, перекрывать» (ДТС, 1969, с. 48, 117, 132; Clauson, 1972, P. 77, 324, bḡg-: «армейская масса постоянно уподобляется воде»). Очевидно, что перенос на военные действия понятий, отразивших не только знакомство с мощью водной стихии, но и навыки по ее накоплению и использованию, не мог произойти в засушливых степях с кочевым ведением хозяйства, он совершился в условиях оседлой жизни, основанной на орошаемом земледелии. Произошло ли это позднее эпохи рунического письма, или материалы XI в. выявляют более древнюю ситуацию? В этом отношении показательна, пожалуй, близость семантики глагола *aq-* к эти-

мологии древнего славянского глагола «хлынуть». Однако, если движение войска сопоставляется у славян с течением водного потока (см. о печенегах у А. С. Пушкина в «Руслане и Людмиле»: «Неукротимые дружины, // Волнуясь, хлынули с равнины // И потекли к стене градской»), то образ «запруживания» войска неизвестен. Природные ассоциации не связаны здесь с ирригационным хозяйством.

¹⁰Ср. иные критерии для образования слова «город» в прасемитском от корня «быть высоким», связанные с сооружением стен, окружавших поселения (Сафронов, Николаева, 2003, с. 111).

¹¹Вторая строка памятника Е 41 читается мною по подлиннику так: t(o)ñl(a)r(ï)m : (e)r tojud (ü)š(ü)n : j(e)tí : ašnuqí (ï)š(ï)m : tašru : t(ü/i)k(ä)ti : «ради (принадлежащих) мне селений и (личного) городка-ставки, семь прежних моих дел вовне (моих владений) завершились». Не следует ли здесь читать (i)r tojud, т.е. «каменный городок»? Разъяснение редких знаков надписи см.: (Кызласов, 1994. С. 93-98, 117-119. Табл. XXVI, XXXI, XXXII). Парой подчеркнутых букв выражен один рунический знак оригинала. Совершенно иначе воспринимает эту строку И. В. Кормушин (2008, с. 43-46, 55-57).

¹²Ср., ради показательного примера, праиранское или древнеиранское *kata-, *xata- «дом, хижина», этимологически связанное с глаголом *kap-/*xap- «копать, рыть» или праиранское *grda- «дом, жилище», соотносящееся с индоевропейским *gherdh- «охватывать, огораживать» (Эдельман, 2009, с. 62). К первому лексическому гнезду восходит согдийское канак «жилище» и позднейшее хана, хона «дом, жилище», возводимые к смыслу «насыпать, засыпать» (Мурзаев, 1984, с. 251: изложение материалов В. И. Абаева).

Түйін

Мақала ерте түркілік руникалық мәтіндердің лексикалық сараптама негізінде, соның ішінде әскери істермен, тұрақтар мәдениетімен және сәулет өнерімен байланысты мәселелерді зерттеуге арналған.

Автор әскери және құрылыс істерімен байланысты екі лексикалық топтар пратотүркілік халықтардың отырықшы өмірімен қатар қойылады деген қорытындыға келеді.

Список источников и литературы

Амбарцумян А. А. Этноним «хйаона» в Авесте // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Новая серия. Т. I. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. – С. 35-72.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения, т. I. – М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. – С. 45-597.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 381 с.

Вербицкий – Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Сост. В. Вербицкий. 2-е изд. – Горно-Алтайск: Ак Чечек, 2005. – 96 с.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I, II. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. ХСVII. – 1329 с.

Грязнов М. П. Таштыкская культура // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 89-146.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. – 504 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Л.: Наука, 1969. XXXVIII. – 676 с.

Дьяконов И. М. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. – М.: Вост. лит-ра, 1959. – 303 с.

Караев О. История Караханидского каганата (X – начало XIII вв.). – Фрунзе: Илим, 1983. – 302 с.

Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 215 с.

Кляшторный С. Г. Терхинская надпись. Предварительная публикация // Советская тюркология. – 1980. – № 3. – С. 82-95.

Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 255 с.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика, текстология. – М.: Наука, 2008. – 342 с.

Кызласов И. Л. Таштыкские рыцари // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М.: ИА АН СССР, 1990. – С. 182-191.

Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: Наука, 1994. – 327 с.

Левицкая Л. С. Жилище, дом, поселение // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997а. – С. 485-500.

Левицкая Л. С. Гончарное дело // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997б. – С. 374-376.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 451 с.

Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 116 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 111 с.

Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XII, вып. II и III. – СПб.: 1899. – С. 1-144.

Мудрак О. А. Свод камчадальской лексики по памятникам XVIII века. – М.: Восточная литература, 2008. – 288 с.

Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. – М.: Мысль, 1984. – 653 с.

Мусаев К. М. Война и оружие // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 1997. – С. 560-579.

- Рассадин И. В. Семантический метод исследования лексики алтайских языков // Российская тюркология. – 2010. – № 3. – С. 24-27.
- Рифтин Б. Л. Хуан-ди // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – С. 605, 606.
- Сафронов В. А., Николаева Н. А. История Древнего Востока в Ветхом Завете. – М.: SPSL – Русская панорама, 2003. – 424 с.
- Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. I. Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В.С. Таскина. – М.: Наука, 1972. – С. 439.
- Материалы по истории кочевых народов в Китае III-V вв. Вып. 4. Ди и цянь. Пер. с кит., предисл. и коммент. В. С. Таскина. – М.: Восточная литература, 2012. – 496 с.
- Шервашидзе И. Н. Фрагмент древнетюркской лексики. Титулатура // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 81-91.
- Хакасско-русский словарь / Хакас-орыс сѳстїк. Ред. О. В. Субракова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.
- Щербак А. М. Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии // Эпиграфика Востока, 1961. – Вып. XIV. – С. 23-25.
- Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – СПб.: Наука, 1994. – 192 с.
- Щербак А. М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. – СПб.: Наука, 2001. – 147 с.
- Эвлия Челеби. Описание Северного Кавказа. Извлечения из сочинения «Сехат-наме».* – М.: Таус, 2011. – 112 с.
- Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. – Oxford: 1972. – 1034 p.
- Tekin T. A Grammar of Orkhoh Turkic. Bloomington, 1968 / Indiana Univ. Publications. Uralic and Altaic Series. V. 69. – 419 p.